

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ И НОВОЕ КАЧЕСТВО ЭКОНОМИКИ

Введение

Для политической экономии государство всегда было побочным и малопродуктивным предметом исследования. Меркантилизм, который государству отводил решающую роль, еще не был политэкономией в полном смысле этого слова, да, собственно, государство как таковое он не исследовал. Политическая экономия начинается с Адама Смита, который в центр своего исследования поставил не государство, а индивида и рыночный процесс производства и обмена между индивидами. А. Смит в своем знаменитом «Исследовании о природе и причинах богатства народов» специальный раздел назвал «О доходах государя или государства» (Книга V), т.е. еще не отличал феодальное государство («государь») от буржуазного, хотя весь текст исследования был посвящен именно буржуазному способу производства. А, как известно, политическая экономия изучает отношения между людьми, которые складываются в процессе рыночного производства и обмена. Именно последний становится демиургом общества, превращая его в буржуазное.

Для буржуазного мира государство лишь политическая надстройка (форма) существования этого мира. Она не влезает в рыночный процесс производства и обмена, а лишь его оформляет. Государство здесь не есть предмет изучения экономической теории. Так или примерно так считалось непреложной истиной довольно продолжительное время. При этом можно было считать дискуссию советских экономистов об экономической роли государства при социализме слегка надуманной. Однако, времена меняются. К сегодняшнему дню накопилось много фактов и свидетельств существенной трансформации современного капиталистического общества, где государство начинает выполнять ключевую роль в экономической системе, что принципиально меняет само понимание этой системы. Экономика уже не только и не столько рыночный обмен между индивидами, а процедура сложного согласования индивидуальных и общественных экономических интересов и поиска наиболее эффективных путей приращения общественной полезности. Когда-то Роза Люксембург бросила фразу: «Обмен управляет обществом». Да, так когда-то

было. Сегодня следует говорить наоборот: общество в лице государства управляет обменом, в том числе и для поддержания самого обмена.

Здесь, конечно, возникают вопросы о соотношении общества и государства. Насколько государство адекватно отражает интересы общества, не узурпировала ли элита общества государственную власть, не подменила ли общественные интересы своими собственными? Эти вопросы остаются открытыми и, пожалуй, самыми дискуссионными. Но у общества нет другого механизма самоорганизации помимо государства. Современное государство, вторгшись в экономическое регулирование, глубоко погрузилось в экономику, само превращается в экономическую категорию. Все это должно вести и к соответствующей трансформации экономической теории и прежде всего политической экономии. Последняя существенно расширяется.

К понятию государства

В общественной науке государство обычно рассматривается как политическая форма организации (или точнее, самоорганизации) жизни общества. Например, Э. Гидденс в своем учебнике пишет: «Государство (*state*) – политический аппарат (правительственные институты плюс чиновники государственной службы), управляющий на определенной территории, власть которого закреплена законом и возможностью использовать силу» [Гидденс, 2005, с. 604]. Это было общим местом любой социальной науки и экономической в том числе. Ведь экономическая наука не обязана изучать политический аппарат. Как, отмечают современные исследователи этого вопроса, «тенденция отождествления государства с органами политической власти закладывается в западной философии уже с конца XVII века» [Соколова, Спиридонова, 2003, с. 26]. В этой связи любопытно замечание Дж. Бьюкенена, что его не интересует, «что в действительности представляет собой именно *это* государство или государство *вообще*. Наша цель - определить вполне конкретно, хотя и кратко, каким *с нашей точки зрения* государство вообще должно быть» [Бьюкенен, 1997, с. 39]. Действительно, экономистов до недавнего времени не интересовал вопрос – что такое государство. Бьюкенена этот вопрос и сейчас не интересует, хотя он собирается придумать хорошее государство. Странная логика: не изучая природу и развитие явления сделать его хорошим.¹

Таким образом, экономическая наука не изучала государство как таковое, ибо политическая форма экономистов не интересует. Так, в советской энциклопедии «Политическая экономия» (М., 1972) есть статьи «Государственно-монополистический

¹ Тут как нельзя, кстати, можно привести замечание Пьера Бурдьё: «Очень сложно говорить о чем-либо, не определяя, по крайней мере, того, о чем говоришь» [Бурдьё, 2017, с. 51]. А вот Бьюкенен говорит!

капитализм» или «Государственный капитализм», но статьи «Государство» - просто нет. В современной Большой российской энциклопедии по этому поводу сказано: «Государство, основной институт политической системы общества, способ социального бытия в условиях политического отчуждения власти. Наука и международное право до настоящего времени не располагают единым и общепризнанным определением понятия «государство»... В современной научной литературе государство обычно определяется как политико-территориальная суверенная организация публичной власти, имеющая специальный аппарат управления и принуждения, способная делать свои веления обязательными для населения всей страны. Термин, как правило, используется в правовом и политическом контекстах» [Автономов, Попов, 2007, с. 542]. П. Бурдьё даже назвал государство как «немысленный предмет» для исследования. Хотя далее все же дает определение как «монополия на легитимное физическое и символическое насилие» [Бурдьё, 2017, с. 50]. За основу своего определения Бурдьё взял определение Макса Вебера, который определяет государство как «монополию на легитимное насилие» [Вебер, 1990, с. 645] и лишь добавил малопонятное «символическое насилие». Однако, это определение не самого государства, а его функции, возможно главной. Ну и для полноты коллекции скептицизмов по поводу определения государства, приведем яркое высказывание Ф. Бастия, которого Марк Блауг аттестует «третьесортным экономистом-теоретиком», но весьма ироничным: «Я бы очень желал, чтобы установили премию не 500, а 1 миллион франков с награждением еще крестами и лентами для выдачи их тому, кто дал бы хорошее, простое и вразумительное определение слова *Государство*». Хотя несколько дальше Бастия все же дает определение: «Государство – это громадная фикция, посредством которой все стараются жить за счет всех» [Бастия, 2007, с. 777, 780]. Действительно, это определение третьесортное, но не лишенное ироничности.

Как уже говорилось, экономическая наука до сих пор была далека от государства как научной категории. Но времена меняются. После того, как государство глубоко погрузилось в экономику с политэкономической точки зрения его следовало бы определять не только как политическую форму самоорганизации общества, но и как экономический механизм этой самоорганизации.

Как ни странно, развитие демократии ведет к усилению государства, его разбуханию и разрастанию, в конечном счете, к превращению государства в тоталитарное. Как-то Мишель Фуко заметил, что «призвание государства – как раз быть тоталитарным, т.е. в конечном итоге осуществлять неукоснительный контроль надо всем» [Фуко, 2006, с. 47]. Приведем еще фразу П. Бурдьё, что «государство связано с письмом» [Бурдьё, 2017, с. 60]. Т.е. государство связано с писанными законами, установлениями, нормами. Даже

правила письменной речи (орфография, пунктуация) устанавливаются государством. Чем больше «письма», тем больше государства. Контроль «надо всем» и прежде всего над экономикой превращает государство в предмет исследования экономической науки и, стало быть, политической экономии. Старая марксистская парадигма и либеральная концепция стремятся к преодолению государства или хотя бы его минимизации, а неоклассическое направление экономической теории, наоборот, государство все больше начинают рассматривать как важный инструмент достижения экономической эффективности. Либеральные экономисты этим недовольны. Так, Марк Пеннингтон пишет: «Доминирующая в экономической теории неоклассическая традиция выдвигает все более и более изощренные обоснования для широкого государственного вмешательства, от регулирования производства товаров до экологических налогов» [Пеннингтон, 2014, с. 12]. Теперь дело дошло и до политической экономии. Если «экономикс» стремиться усовершенствовать функциональные связи в экономике, то политическая экономия призвана объяснить этот процесс, и почему государство тут выполняет ключевую роль. Стало быть, государство становится предметом политэкономического исследования.

По логике старых либеральных экономистов получается, что политическая форма мешает нормальному протеканию экономического процесса. «Основная идея классического либерализма, - пишет Ноам Хомский, - заключается в оппозиции ко всем формам государственного вмешательства в личную и социальную жизнь, кроме предельно ограниченных и минимальных» [Хомский, 2012, с. 11]. Либералы упорно обходят вопрос – откуда эта форма взялась и почему она сейчас мешает? Раньше во времена Адама Смита государство как политическая форма самоорганизации общества не мешала экономическому процессу, а сегодня мешает. Странная логика. Конечно, во времена А. Смита государство не было таким большим и разбухшим, но и экономика была много меньше и проще. Ведь рост государства – это самопроизвольный, спонтанный процесс, за который и выступают либеральные экономисты. Спонтанность либералам нравится, а вот конкретный результат этой спонтанности, который выражается в существенно возросшей роли государства, им не нравится. Что-то плохо с логикой у этих либеральных экономистов. На устарелость позиции либералов обратил внимание еще в конце XIX века Г.В. Плеханов: «Для экономистов отсталой школы ... талисманом служит прелестный девиз: *«невмешательство государства»*» [Плеханов, 1956, с. 301]. А в наших университетах часто этих отсталых экономистов выдают за современную экономическую мысль. Можно привести еще высказывание Карла Поппера середины 1940-х гг.: «Принцип государственного невмешательства в экономику – принцип, на котором основывается неограниченная законодательно экономическая система капитализма, должен быть отброшен.

Если мы хотим защитить свободу, то должны потребовать, чтобы политика неограниченной экономической свободы была заменена плановым вмешательством государства в экономику» [Поппер, 1992, т. 2, с. 146]. Устарелость концепции невмешательства заключается в том, что современное государство перестает (или уже перестало) быть только политической формой, она наполняется экономическим содержанием, становится демиургом экономики.

Либеральную концепцию государства Ф. Блок называет старой парадигмой, на смену которой приходит новая: «Новая парадигма начинается с опровержения идеи вмешательства государства в хозяйственную деятельность. Вместо этого утверждается, что его действия *всегда* играют ключевую роль в формировании хозяйства, и позиционировать государство как нечто за рамками хозяйственной деятельности - бессмысленная задача» [Блок, 2004, с. 579]. Соглашаясь с тем, что необходима новая парадигма, все же заметим, что далеко не *всегда* государство играло ключевую роль в экономическом развитии. Хозяйство средневекового крестьянина в существенно меньшей степени было зависимо (если было вообще) от государства, чем деятельность современного фермера. За многовековую историю хозяйственная деятельность человечества существенно изменилась и, стало быть, была эволюция такой формы общества как государство. Сегодня государство не просто политическая форма, а как уже говорилось, наполняется экономическим содержанием, превращается в экономическую категорию. Значит, становится предметом изучения экономической теории.

Согласно Ф. Блоку в старой парадигме рассматривались пять моделей экономической роли государства. Это – государство общественных благ (public goods state); государство макроэкономической стабилизации (macroeconomic stabilization state); государство социальных прав (social right state); государство развития (developmental state); социалистическое государств [Блок, 2004, с. 571-577]. Правда, последнее государство, добавляет Ф. Блок, оказалось очень сильным государством, и его хозяйственная деятельность превращает социалистическое государство в «крайний случай государства развития». Здесь надо уточнить, что термин «социалистическое государство» не точен, ибо социализма как такового нигде еще не было.² Советское государство, как и в других восточно-европейских странах, было, по сути, социальным государством. Конечно, можно согласиться с Ф. Блоком, что все эти модели или их некоторые черты в той или иной мере были присущи государству на всех стадиях развития экономики и общества. Поэтому трудно эти модели рассматривать как ключевые характеристики современного государства.

² См. по этому вопросу дискуссию современных экономистов, где академик Л.И. Абалкин прямо заявил: «Социализма мы не построили» [Абалкин, 2011].

Но объем и значение этих характеристик по мере развития общества и эволюции государства существенно менялся. Так, во времена Ивана Грозного государство, видимо, обеспечивало какие-то public goods, но в те времена мало кто их замечал, да и из сегодняшнего дня их разглядеть трудно.

Иное дело современное государственное обеспечение общественных благ, без чего жизнь цивилизованного человечества представить невозможно. Все дело в развитии общества и эволюции государства. Некоторые американские экономисты об этом писали еще в 40-х гг. прошлого века. Так, Льюис Лорвин пишет: «Государство вступило в новую стадию развития. Давно прошло время, когда государство было просто полицейским. С некоторого времени оно взяло на себя роль экономического руководителя и общественного служителя» [Цит. по: Альтер, 1961, с. 541]. Государство сегодня становится активным экономическим субъектом. Таким образом, происходит переплетение: экономика все больше попадает под влияние государства (идет, так сказать, огосударствление экономики), а государство все глубже погружается в экономику. «Экономическая система, - замечает Хабермас, - лишилась своей функциональной автономии по отношению к государству» [Хабермас, 2010, с. 155]. Это понимание все чаще проникает в массовые учебники. Так, П. Самуэльсон и В. Нордхаус специально указывают: «Государство решает три основные экономические задачи: способствует повышению эффективности, обеспечению справедливости и макроэкономической стабильности и осуществлению экономического роста» [Самуэльсон, Нордхаус, 2005, с. 54]. Иными словами, рынок сам по себе без государства не в состоянии ни обеспечить экономический рост, ни макроэкономическую стабильность, ни повысить эффективность. Что-то меняется в самой экономике и это ставит новые задачи перед экономической теорией.

Можно также вспомнить дискуссию советских экономистов о роли государства в социалистическом, как тогда это называлось, хозяйстве. Ортодоксальный марксизм, который одним из своих источников имел европейский либерализм, считал, что развитие социализма должно вести к ликвидации государства как аппарата политического насилия. Отсюда делался вывод, что уже в советский период некоторые функции государства должны замещаться органами самоуправления и свободной самодеятельностью масс. Противоположная группа отечественных политэкономов, соглашаясь в принципе с такой возможностью в далекой перспективе, указывала, что в советский период возрастает именно экономическая роль государства, ибо государство выступает как основной субъект экономических отношений. Так, Л.И. Абалкин писал: «Деятельность государства как экономического центра совершается непосредственно в сфере экономического базиса общества и составляет его собственный момент» [Абалкин, 1970, с. 33]. Примерно также

считал Н.А. Цаголов, что социалистическое государство есть «элемент базиса, ибо оно является собственником предприятий, производящих и реализующих свою продукцию в качестве товара» [Цаголов, 1971, с. 41]. На все это Я.А. Кронрод, придерживаясь иной позиции, писал: «Государство как экономический центр эту роль осуществляет своими властными, политическими методами, как политическая надстройка, оказывающая обратное влияние на базис, а вовсе не как элемент базиса, т.е. как форма отношений, не зависящих от воли и сознания людей. Все государственные функции по руководству экономикой – сознательные, волевые политические функции. И в этом суть дела» [Кронрод, 1987, с. 308]. Отвечая ему, Л.И. Абалкин писал, что Я. Кронрод «отрывает вопрос об экономической деятельности социалистического государства от исследования реального процесса обобществления производства. Экономическая роль государства – продукт обобществления производства. С развитием разделения труда, с усложнением хозяйственных связей, с усилением взаимозависимости различных элементов народного хозяйства появляется и осуществляется необходимость государственного регулирования экономической жизни» [Абалкин, 1970, с. 47-48]. Можно привести и другое высказывание советских ученых того времени. Так, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов писали, имея в виду социалистическое государство: «Непосредственное экономическое руководство осуществляет общественный экономический центр (ОЭЦ), посредством которого осуществляется обобществление деятельности трудящихся по управлению народным хозяйством» [Бузгалин, Колганов, 1983, с. 14]. При этом выделим тезис об обобществлении производства, что является ключевой причиной новой экономической роли государства. В этой связи появляется востребованность в советской литературе по государственно-монополистическому капитализму, содержащей много наблюдений и выводов актуальных и сегодня. Если оставить за скобками дискуссию на тему «было ли советское общество социалистическим», то бесспорным будет факт достаточно сильного советского государства («государство развития»), которое было составной частью экономического базиса общества. Не туда ли движутся современные западные государства?

В советской экономической системе государство выполняло основную роль экономического агента, и было тесно переплетено с иерархическими структурами управления и производства, это было одно и то же. Можно даже обнаружить некоторую аналогию с современным западным государством, которое также превращается в экономического агента. Разница лишь в том, что в западном мире корпорации сталкиваются с государством в экономику, а в советской системе государство порождало корпорации. Но в целом это есть отражение процесса обобществления производства и трансформации государства из политической формы экономического процесса в его активного агента.

Рост государства

Итак, почти всеми признается очевидный факт роста объема, значения и влияния государства в современной экономике. Это признают даже американские консерваторы, тугие на современные мнения. Для начала напомним мнение либералов. Герберт Спенсер еще в последней трети XIX века писал: «Либерализм обыкновенно защищал свободу личности против принудительного действия государства» [Спенсер, 2007, с. 6]. Сегодняшний либерал-консерватор Р. Хиггс пишет: «Конец XIX и весь XX век были периодом беспрецедентного роста полномочий государства, находящихся в его распоряжении ресурсов и масштабов его вмешательства в экономическую и частную жизнь граждан» [Хиггс, 2016, с. 9]. И еще, извиняясь за длинную цитату, приведем колоритную зарисовку этого же автора: «Давным-давно средний американец мог заниматься своими повседневными делами, не замечая правительства, особенно федерального... Только подумайте: никаких субсидий для фермеров, никакого регулирования цен или ограничения площади возделываемой земли; ни Федеральной торговой комиссии, ни антитрестовского законодательства, ни Комитета по торговле между штатами, ни Национального управления по вопросам трудовых отношений, ни федеральных законов о «защите» потребителей, ни Комиссии по ценным бумагам и биржам, ни Комиссии по соблюдению равноправия при трудоустройстве, ни Министерства здравоохранения и социального обеспечения, ни налогов с продаж, ни подоходных налогов, ни взносов на социальное страхование. Государственные чиновники были такими же продажными, как и сегодня, а может, и больше, вот только не было смысла их подкупать» [Хиггс, 2016, с. 13]. И вот такой вывод: «Даже простое перечисление многочисленных полномочий государства займет несколько томов, потому что его влияние затрагивает все: фермы, заводы и магазины; жилища, школы и больницы; науку и технологии; и даже отдых и развлечения» [Хиггс, 2016, с. 24]. А вот что пишет другой американский экономист Ч. Уилэн: «Федеральное правительство ежегодно издает тысячи страниц правил, регулирующих все – от загрязнения подземных вод до проверки куриного поголовья... Я живу в историческом квартале, где на любое изменение внешнего вида наших домов, от цвета новых окон до размеров цветочного горшка, надо получать разрешение комитета по архитектуре» [Уилэн, 2005, с. 69]. В другом месте Уилэн пишет: «Министерство сельского хозяйства США в настоящее время требует, чтобы каждая замороженная мясная пицца содержала по меньшей мере 10 % мяса [Уилэн, 2005, с. 309]. В этом месте следует остановиться и спросить: где же знаменитая рыночная экономика США? Ведь в любом стандартном учебнике «Экономикс» сказано, что спрос определяет предложение. И если производитель пиццы выносит на рынок продукт с

меньшим количеством мяса или хуже качеством, то потребитель выбирает продукцию других производителей. И само собой первый производитель с продуктом ухудшенного качества в итоге должен будет закрыть свое производство. Так действует «невидимая рука» рыночной экономики, когда экономическое развитие происходит спонтанным путем без какого-либо внешнего вмешательства. Так думают либеральные экономисты и так они пишут в своих учебниках. Но если Министерство сельского хозяйства США устанавливает нормативы на производство пиццы, значит с рыночной экономикой в США что-то не так.

Возможно, конкретное требование на количество мяса в пицце несколько странное, но вообще-то на продукты питания должны быть государственные стандарты по качеству, гигиены и здоровья потребителей. Ждать, пока естественным путем перемрет изрядное число потребителей некачественных продуктов питания и до остальной части населения дойдет вред приобретения этих продуктов и оно отвернется от таких производителей, слишком опасно. Рыночный механизм, конечно, тут сработает, но на это уйдет слишком много времени и общество может потерять слишком много людей. Да и потом для исправления ситуации должно будет вмешиваться государство. Вспомним недавний финансовый кризис. Этот кризис, - пишет В.Т. Рязанов, - «вынудил государства в срочном порядке вернуться в экономику. Этим подтверждается, что данный институт на сегодняшний день остается единственным по-настоящему легитимным, способным подчинить стихию рынка и направить ее в нужное русло» [Рязанов, 2016, с. 307]. Лучше все это делать заранее и следовать государственным стандартам. Так делается в современных цивилизованных обществах. Итак, делает вывод Дж. Стиглиц, «то, что мы едим и пьем, регулируется государством; где нам жить и в каком типе домов мы можем жить, регулируется различными государственными службами» [Стиглиц, 1997, с. 11]. Почти все как было в СССР. Только в СССР государство действовало прямо и откровенно, хотя до контролирования размеров цветочных горшков и куриного поголовья в домашнем секторе дело не доходило, а в США - затейливый обман. Это американские либералы спохватились сегодня. Но о росте государства писали давно и многие. Так, в конце XIX века Анри Мишель писал: «Что может быть в настоящее время разительнее факта постоянного усиления функций государства во всех прогрессивных обществах? Повсюду, а в особенности во Франции, Англии, Германии и Соединенных Штатах, прогресс демократии ведет к все более и более частому вмешательству государства во все отрасли человеческой деятельности» [Мишель, 1909, с. 697]. Так получается, чем больше демократии, тем больше государства. Но, ведь, есть и тоталитарные государства, где демократии почти нет. Видимо, у демократии, как и у государства должны быть свои пределы.

Итак, рост государства и, прежде всего, рост объема его экономической деятельности. Вообще-то говоря, государство всегда было большим и лезло «во все дыры». Как-то Герберт Спенсер в 1884 году писал: «Каждому должно быть понятно, что эдикты, изданные Генрихом VIII для того, чтобы удержать низшие классы от игры в кости, в карты, в кегли и т.д., были внушены таким же желанием способствовать общественному благосостоянию, как и современные законы о денежных играх» [Спенсер, 2007, с. 13]. Но интересно причины современного роста государства. Почему это происходит: злая воля, дело случая или еще что-то? Есть ли какая-то объективная причина, объективная составляющая этого процесса? Многие авторы перечисляют некоторые причины, но объективную причину не находят.

На наш взгляд, основная объективная причина состоит в развитии более сложного производства и усложнения технологий, в переходе к новому технологическому укладу, что отражается в трансформации экономической организации общества. Именно экономическая организация наполняет содержанием все остальные формы человеческого общежития, в т.ч. и государство. Так, К. Поппер подчеркивает безусловную верность утверждения К. Маркса, что «экономическая организация общества, организация нашего обмена веществ с природой, является фундаментальной для всех социальных институтов, особенно для их исторического развития» [Поппер, 1992, т. 2, с. 126]. А современное производство на место индивидуального производителя ставит сложную кооперацию многих производителей и их объединений. Новая технология кладет конец экономическому индивидуализму и либеральному капитализму. Обобществление производства, о чем много писали еще советские экономисты, стало сегодня очевидным и совершенно бесспорным фактом. Более того, информационные технологии, которые сегодня приобретают все большее значение, превращают государство в почти единственного экономического актора. Ведь информация только посредством государства сама по себе приобретает экономическое значение. Информация как таковая не может быть частной, «для себя», она всегда носит общественный характер.

Буржуазная демократия и избираемость главы государства расширили понимание государства как не только правительства страны, но и как всего социально-экономического организма, включив туда все население. Это породило две взаимоисключающиеся тенденции в теоретической трактовке государства. Одна, либеральная, которая минимизирует роль государства и в пределе своем сводит ее к функциям «ночного сторожа». Другая, которую можно назвать институциональной, полагает, что государство призвано выполнять существенные функции во многих аспектах жизни общества, в том числе и в экономике.

Между этими концепциями развернулась масштабная дискуссия, которая принижает почти всю литературу XX века, посвященную социально-экономическим проблемам развития общества. Сегодня имеются различные точки зрения на этот счет. Либерально настроенные экономисты выступают согласно традициям либерализма (добавим также и марксизма) за минимизацию экономической роли государства. Другие экономисты национальной и государственной ориентации, наоборот, говорят, что в сегодняшних кризисных условиях невозможное нормальное развитие экономики без активной и существенной роли государства в народном хозяйстве.

Теоретически, конечно, правы либералы и ортодоксальные марксисты в том, что государство в узком смысле слова, когда вся политическая власть сосредотачивается у правительства, должно в перспективе уступить место свободной ассоциации граждан или гражданскому обществу. Но это верно, если государство понимать только в данной узкой его версии. Напротив, за весь XX век мы наблюдаем все большее развитие расширительного понимания государства, где субъектом власти выступает не только правительство, но весь народ и его самостоятельные организации. Более того, государство в таком понимании все больше начинает выполнять разнообразные общественные и экономические функции, что позволяет говорить о государстве как экономическом институте современности. Меняется и само понимание экономики.

Либералы, особенно старые, при всей своей теоретической невинности часто, впадая в раж, пишут откровенные глупости. Так, весьма уважаемый старый мыслитель Герберт Спенсер в одном месте написал: «Функция либерализма в прошлом заключалась в том, чтобы полагать пределы власти королей. Функцией истинного либерализма в будущем будет ограничение власти парламентов» [Спенсер, 2007, с. 190]. Но король и парламент - принципиально разные вещи: первый назначает сам себя, второй выбирают граждане. Потом - кто и как будет ограничивать власть парламента? Выбирать еще один парламент в противовес первому? Очевидная глупость. Создавать различные самостоятельные организации, конечно, можно и даже нужно, но не для борьбы же с законно выбранным парламентом. Иными словами, можно сказать, что самостоятельные и самоуправленческие организации не вытесняют государство из экономической сферы, а видоизменяют само понятие государства, органично включаясь в него в качестве существенных элементов самого государства. Таково, например, местное самоуправление в Германии. То есть, государство, понимаемое в широком смысле, получает новые формы функционирования, в том числе и в экономике.

Пример такого государства может служить концепция государства всеобщего благосостояния (welfare state), где правительство в своей экономической политике

обеспечивает бесплатное или весьма доступное образование, здравоохранение, жилищное строительство, социальное обеспечение пожилых, инвалидов, материальной помощи больным, безработным. Государство при таком подходе рассматривается как противовес рынку, как механизм ограничивающий и корректирующий рыночное самодействие. «Правительства, - пишет известный американский экономист Л. Туроу, - всегда активно использовались для изменения результатов рыночного хозяйства с целью более равномерного распределения доходов с тем, какое рынок произвел бы сам по себе» [Туроу, 1999, с. 288].

Многое от государства всеобщего благосостояния было присуще советскому государству. Пожалуй, даже очень многое. Но в советский период государство превратилось в чрезмерного "левиафана", подавившего в конечном счете всякую экономическую инициативу. Поэтому закономерно в конце 1980-х годов встал вопрос о разгосударствлении многих сторон экономики. Однако на практике получилось резкое ослабление вообще какой-либо роли государства. Отсюда, поставленная в то время задача модернизации не могла быть решена в принципе. Дело кончилось низведением государства до положения "ночного сторожа", но, видимо, в силу российских традиций, плохо оплачиваемого, плохо вооруженного и, главное, бестолково инструктируемого. Таким образом, - пишут современные исследователи, «антиэтатистский «рыночный капитализм», в фундаменте которого не оказалось ни одного гегелевского принципа, привел Россию на край пропасти по всем направлениям» [Соколова, Спиридонова, 2003, с. 78]. В современном мире такое отношение к государству представляется самоубийственным.

Еще Людвиг Эрхард в 1955 г. замечал, что "современное и сознающее свою ответственность государство просто не может себе позволить еще раз вернуться к роли "ночного сторожа" [Эрхард, 1991, с. 226]. В настоящее время все экономически развитые страны мира демонстрируют все возрастающую долю государства в распределении валового национального продукта. Так, по имеющимся данным в таких странах как Швеция, Норвегия, Нидерланды уровень государственных расходов составляет более 50% ВВП, при среднеевропейском уровне в 40-45%. В России этот показатель составляет с 1992 г. примерно 30%, что является самым низким показателем в мире. В таких условиях не может сохраниться достаточно сильное государство для проведения серьезной и успешной модернизации. Поэтому сильное государство нужно не само по себе, а для обеспечения целесообразного, разумного, сбалансированного общественного развития. Но целесообразная и сознательная деятельность государства может выражаться только в различных формах народнохозяйственного и социального планирования, т.е. осознанной и одобренной большинством населения политики.

Государство, демократия и гражданское общество

В литературе все часто обсуждается вопрос о совместимости демократии, демократического общественного устройства и рынка, рыночной экономики, что в обобщенном виде обычно называют либеральным капитализмом. Капитализм – это не когда рынок существует в обществе, выполняя некоторые подчиненные функции, а когда он становится господствующим, определяя характер и тип общества, когда рынок возвышается над государством. И вот с таким капиталистическим обществом подлинная демократия несовместима. «Капитализм, - пишет известный западный экономист Л. Туроу, - предполагает лишь одну цель – индивидуальный интерес и максимальное личное потребление. Но жадность отдельного человека попросту не является целью, способной удержать общество вместе на сколько-нибудь долгое время» [Туроу, 1999, с. 306]. Демократия для одного (немногих), частная демократия не есть всеобщая, подлинная демократия. Значит, можно говорить, по крайней мере, о двух типах демократии. На различии этих демократий не всегда останавливают внимание, что затрудняет достижение взаимопонимания.

Итак, обратимся к общему пониманию. Понятие демократии, как хорошо известно, означает власть народа. Конкретных определений имеется множество и для примера приведем определение демократии И. Шумпетера. Он пишет следующее: «Философия демократии XVIII века может быть определена следующим образом: демократический метод есть такая совокупность институциональных средств принятия политических решений, с помощью которых осуществляется общее благо путем предоставления самому народу возможности решать проблемы через выборы индивидов, которые собираются для того, чтобы выполнить его волю» [Шумпетер, 1995, с. 332]. Уже из этого определения вытекает несовместимость демократии и рынка, ибо рынок предусматривает частное, индивидуальное благо, а не общее, которое выражается в форме государства.

В либеральной экономической концепции является непреложным постулатом, что демократия дает простор для экономического развития, рыночной конкуренции, опираясь именно на частное благо и индивидуальный интерес. Т.е. как бы демократия и рынок есть почти одно и то же. Например, Л. Мизес прямо так и пишет: «Рынок является демократией, при которой каждое пенни дает право голоса... Представительная власть народа является попыткой организовать конституционное устройство в соответствии с моделью рынка» [Мизес, 2001, с. 216]. И действительно на первых порах было именно так. Рыночная экономика только при буржуазной демократии, способствовала быстрому экономическому прогрессу. Рынок требует демократического устройства общества, которое в свою очередь

способствует успешному развитию экономики. Исторически рынок появился раньше буржуазной демократии (если не брать гражданскую демократию античности), но потребовал ее как свою объективно необходимую форму существования и развития. Однако заметим, что буржуазная демократия – это не один человек – один голос, а один доллар – один голос. Это важное свойство рыночной или буржуазной демократии.

И в свое время это был гигантский прогрессивный шаг вперед. Ибо в центре общественного устройства находилась не наследственная власть феодалов, а личные успехи, достижения частных лиц. И именно рыночная экономика создала механизм общественного прогресса, в основе которого лежала демократия денег, денежное могущество. То есть, рыночная демократия, демократия для рынка, можно ее также назвать буржуазной демократией, в свое время обеспечила колоссальный прогресс общества. Но в основе его лежало экономическое неравенство. Так это было.

Рынок представляет собой действительно наиболее эффективный механизм экономического развития. Рыночный механизм есть великолепный калькулятор экономической эффективности. И в этом состоит, пожалуй, его единственная ценность. Проблема заключается в том, чтобы этот калькулятор работал исправно, не искажался. То есть, другие социальные ценности не должны вводиться внутрь этого калькулятора, и не следует ожидать, что рынок должен кроме экономической эффективности давать еще что-то сверх. Другие ценности привносятся в социально-экономическую сферу через сознательно вырабатываемую и сознательно проводимую политику государства. То есть, государственная политика заменяет рынок, вытесняет его. Рыночный механизм самодействия может функционировать без всякой политики и с точки зрения экономической эффективности он достигнет высоких результатов. Для него не нужна никакой политики, даже экономической. Отсюда стремление либеральных экономистов ограничить или максимально снизить экономическую роль государства, как они говорят «минимизировать государство». Государственная экономическая политика в любом вопросе ограничивает рыночное самодействие, сужает рынок. Тем более это относится к социальной политике, которая в пределе своем стремится к уничтожению рынка или, по крайней мере, к сильному его ограничению.

Сам по себе рынок есть объективная необходимость экономического процесса. Это бесспорно. У нас в конце 1980-х и начале 1990-х годов много говорили о необходимости перехода к рыночной экономике, о продолжении рыночных реформ, подчас вкладывая в это утверждение самое различное содержание. Рынок дает эффективность, но убивает социальность. Социальность и социальные цели безразличны рынку, невосприимчивы им. Рынок сам по себе никаких социальных ценностей не преследует и даже не ставит.

Социальные ценности, с одной стороны, накладываются на рынок, определяют параметры его функционирования. С другой стороны, сам рынок предопределяет возможный объем социальных ценностей. Поэтому всегда и везде рынок ограничен, регулируем. В противном случае, при господстве только экономической эффективности он может привести к нелепым и просто антигуманным последствиям. В научной литературе об этом писали сотни, если не тысячи, раз. Вот одно из этого рода высказываний: «Идея саморегулирующегося рынка основывается на самой настоящей утопии. Подобный институт не мог бы просуществовать сколько-нибудь долго, не разрушив при этом человеческую и природную субстанцию общества; он бы физически уничтожил человека, а среду его обитания превратил в пустыню» [Поланьи, 2002, с. 13-14]. Или вот другое высказывание другого западного экономиста: «Для того чтобы достичь социального равенства и справедливости, мощности рыночного механизма должны быть дополнены основными социальными возможностями» [Сен, 2004, с. 166].

Более того, по мере увеличения богатства, развития экономики возрастает объем и значение всевозможных социальных ценностей, и в то же время падает значение экономического момента, что ведет к возрастанию жесткости регулирования рыночного механизма. Еще в начале XX века М.И. Туган-Барановский сформулировал это положение таким образом: «Участие хозяйственного труда в общей совокупности социальной деятельности сокращается по мере хода истории. Повышение производительности труда подрывает социальное преобладание хозяйства и нехозяйственная деятельность приобретает, в качестве движущей силы истории, все большее значение» [Туган, 2003, с. 85]. Значит, все более возрастает значение человеческой деятельности, в центре которой находится не экономическая эффективность, а социальные (культурные, научные, образовательные, гуманитарные и т.д.) цели развития. Значит, возрастает роль планирования развития, т.е. сознательного, осмысленного регулирования социально-экономического процесса.

Сегодня, когда развитые западные страны переходят к «обществу знаний», большие сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, образование). Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием творческого труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы перестают работать, уже давно и успешно разрабатывается в новой социально-экономической науке. Здесь экономика не сводится только к рынку, а охватывает широкое поле человеческой деятельности, где экономический принцип соизмерения затрат и результатов продолжает иметь значение. Затраты и результаты деятельности могут выражаться не только в деньгах, но в экономии времени, усилий, получения большего

удовольствия и благополучия, т.е. в приращении общественной полезности. Здесь можно вспомнить известное высказывание К. Маркса, что «всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени» [Маркс, т. 46, ч. 1, с. 117].

Государство и государственная политика и являются тем, кто будет ограничивать монополизацию рынка, сохранять демократию. Нужно государство с его антимонопольным регулированием. И тут возникает парадокс: чтобы сохранить конкуренцию и демократию экономического процесса, нужно подавить (или ограничить) свободное рыночное саморегулирование. Демократия требует сложных процедур выработки решений, большую бюрократию. Все это снижает экономическую эффективность. Либеральная рыночная экономика в конце концов ведет к свертыванию демократии. Ибо демократия по критериям рыночной экономики неэффективна. Похоже, что это положение начинают разделять многие в западной литературе. Например, Д. Макки пишет следующее: «Хотя демократизация является основной тенденцией в современном мире, в американской политологии доминирует мнение, что демократия хаотична, произвольна, бессмысленна и неосуществима» [Макки, 2006, с. 272]. Действительно, в рыночном обществе подлинная демократия – бессмысленна. Это также означает, что сама по себе демократия входит в противоречие с рынком. Т.е. рынок ведет к подрыву демократии. Пример Китая нам показывает, что для успешного экономического развития рыночной экономики демократия и не нужна. Значит, государство может действовать двояко: или ограничивать рынок для развития демократии или использовать рынок для наращивания экономического потенциала и повышения экономической эффективности без демократии.

Говоря о государстве, демократии и их взаимодействии с рынком нельзя обойти вопрос о гражданском обществе, который стал ныне моден и весьма обсуждаемым. Дело в том, что понятие "гражданское общество" довольно темное, мутное понятие. И, естественно, мы путаемся в определениях. Например, некоторые заговорили о церкви как об институте "гражданского общества". Но церковь – это институт средневекового общества, а не гражданского. Не следует забывать, что некоторые понятия о гражданском обществе появляются лишь после эпохи буржуазных революций, с переходом к эпохе "модернити". Церковь расцвела в эпоху абсолютных монархий и никакого отношения к понятию гражданства и, соответственно, к гражданскому обществу не имеет.

Вот тут и кроется корень путаницы вокруг понятия "гражданского общества". С нормальной точки зрения все граждане республиканского общества и составляют гражданское общество без всяких кавычек. Демократия для всех одна и одна на всех. Все члены демократического общества имеют равные права и равные ответственности и все в равной мере являются членами своего гражданского общества. Конечно, возможно

выделение каких-то особых групп или слоев людей в этом обществе, которые лучше и глубже других понимают насущные проблемы общества и умеют лучше их выразить и представить. И вот эти группы людей у нас стали называть «гражданским обществом» в кавычках. В первом случае, можно говорить о гражданском обществе в широком смысле слова, во втором – в узком, в кавычках.

Гражданское общество появилось, если не брать Аристотеля и т.д., в трудах европейских мыслителей времен французской революции. И тогда, т.е. до революции, не разделялось, собственно, государь и государство. Считалось, что французский король и есть французское государство. Лишь после революции появилось национальное собрание, национальная гвардия, национальная библиотека и т.д., то есть стало формироваться самосознание нации. Появилось гражданское общество в широком смысле слова как граждане одной страны. Узурпация власти в стране каким-либо диктатором или группой лиц порождает "гражданское общество" в узком смысле слова, как противостоящая сила недостаточно демократической власти.

Наши российские цари тоже считали, что русское государство – это они сами, их собственная вотчина, их Императорский дом. Даже национального флага не было в царской России. Был лишь императорский штандарт. Перед революцией 1917 года при царском дворе тоже интересовались, что говорят в «обществе». Но под обществом они понимали не то, что говорят на заводах, фабриках или в казармах, а то, что говорят в петербургских или, в крайнем случае, московских салонах, затем в Государственной Думе и еще кое-где. То есть, для царской России был императорский двор как государство и великосветские салоны как общество. И вот было противостояние: императорский двор – это государство, салоны - это общество. Но великосветские салоны не есть гражданское общество в современном понимании.

Также можно оспорить иногда встречающееся мнение, что гражданское общество не занимается политикой. Если оно не занимается политикой, оно вообще не гражданское общество. "Гражданское общество" это институт как раз борьбы за власть, за какие-то властные решения, за какую-то определенную политику. Если есть активное "гражданское общество", это означает, что существующее общество, народ недовольны проводимой государственной политикой и противопоставляют ей что-то свое, что можно расценивать, как общее благо. Значит, с точки зрения народа, граждан проводимая социально-экономическая политика не отвечает интересам всех граждан, общему благу. Поэтому, естественно, "гражданское общество" это политический институт. Поэтому церковь никак не влезает в эту систему гражданского общества, потому что она политикой не занимается, так же как общество садоводов-любителей или филателистов.

В принципе, если бы государство было демократическим, то в демократическом государстве гражданское общество сливается или растворяется в демократическом государстве. Если, скажем, власть хорошо решает все проблемы с инвалидами, все социальные программы делает продуманно и хорошо, зачем нам плодить еще какие-то организации, которые будут как-то помогать или мешать этой власти. Этого не надо. В демократическом государстве все имеют право выбирать государственные органы, властные структуры, которые отчитываются перед народом и которые выполняют волю народа. Это нормальное демократическое государство. И в данном случае, т.е. в случае демократического государства, конечно, гражданское общество излишне. Оно появляется только тогда, когда появляется авторитарная государственная власть и есть необходимость как-то противостоять этой власти. В демократическом государстве гражданское общество более зрелое, и государственное устройство более демократическое. Чем сильнее гражданское общество, тем мудрее государство. Потом они растворяются одно в другом.

Новое качество экономики

Собираясь рассуждать о новом качестве экономики в связи с превращением государства в экономического актора или «плеймекера», я обнаружил, что бытующее у нас само понятие экономики очень нечеткое. Некоторые под словом экономика понимают производство материальных благ и сопутствующих услуг, что было советским расхожим штампом. Некоторые под экономикой понимают совокупность производственных отношений, некоторые вообще ничего не понимают. К этому добавим, что в нашем языке одним словом экономика определяется сама экономика, т.е. народное хозяйство и наука, которая изучает экономику. Вот, поди и разберись!

В некоторых современных учебниках под названием «Экономика» вообще не дается определения, что это такое (см. Булатов). Часто в хороших переводных учебниках дается определение экономики через определение предмета изучения экономической науки (экономикс). Так, в учебнике К. Макконнелла и С. Брю сказано: «Экономикс занимается проблемой эффективного управления ограниченными ресурсами» (Макконнелл и др., с. 8). Отсюда, конечно, можно сделать некоторые умозаключения, что экономика – это эффективное управление ограниченными ресурсами. Но давать определение чего-то через что-то, это, что называется, одевать штаны через голову. Встречаются и вообще бессодержательные определения. В учебнике «Основы экономикс» трех авторов, среди которых есть лауреат Нобелевской премии П. Кругман, дается такое определение: «Экономика – система, координирующая деловую активность» (Кругман и др. с. 28). На

редкость пустое определение. Эдак получается, что сама деловая активность (т.е. производство, что, видимо, хотели сказать авторы) не есть экономика, а вот что ее координирует авторы и называют экономикой. Но систем координации «деловой активности» может быть несколько: полицейская система, юридическая, политическая и т.п. Вот и получается, что если по самому ключевому термину экономической науки существует такая изрядная путаница, то что же ждать от всех остальных теорий, гипотез, моделей, утверждений чем переполнены даже лучшие произведения великих экономических мыслителей. На эту неясность в отношении основной категории экономической науки в свое время обратил внимание М.И. Туган-Барановский: «Экономисты мало спорят или вовсе не спорят относительно понятия хозяйства, но не потому, чтобы относительно него господствовало между ними полное согласие. Большинство экономистов просто не чувствует потребности в точном определении центрального понятия своей науки. Между тем, неясность в этом исходном пункте должна внести неясность во все последующие» (Туган, 1915, с. 3). Наверное, не зря Т. Карлейль воскликнул, начитавшись Т. Мальтуса, да экономика – это «мрачная наука»! Но если мы профессиональные экономисты, то во всем этом надо разбираться. Пора расчищать мрак нашей науки.

Начнем с устоявшегося определения, которое прочно сидит в головах многих экономистов еще с советских времен. У меня тоже сидело до последнего времени. Как известно, термин экономика восходит к античным временам (от греческого *oikonomike*), под которым понимали искусство управления домашним хозяйством. Т.е. экономика в нашем устоявшемся понимании - это народное хозяйство или «хозяйственный строй общества». Есть менее четкое определение экономики Л.И. Абалкина из советской политэкономической энциклопедии: «1) совокупность производств. отношений исторически определенного способа произ-ва, экономич. базис общества; 2) нар. х-во страны, включающее соответствующие отрасли и виды произ-ва, или его часть; 3) отрасль науки, изучающая функциональные или отраслевые аспекты экономич. отношений» (Абалкин, 1980, с. 438). Правда, Л.И. Абалкин в той же статье добавил, что экономика включает «и отрасли непродуцированной сферы, или нематериального производства (просвещение, здравоохранение, культура и др.). В советское время на это (что культура это экономика) мало обращали внимание, сейчас же отнесение культуры к экономике, понимаемой как хозяйство) может поставить свежего человека в тупик. Культура и образование это никак не хозяйственная деятельность. Другое дело новое понимание экономики, но об этом дальше. Приведем еще одно определение, экономика это «производство, создание продуктов, составляет исходный пункт и первый признак

экономической деятельности людей» (Сидорович, 1997, с. 44). Критиковать эти опусы мы будем чуть ниже. Здесь же скажем, что, например, пчелы то же что-то создают, но никто это не называет экономикой. Хороший набор различных определений экономики приводит Н.В. Сычев. И, видимо, он первый, конечно, после М.И. Туган-Барановского, обратил внимание на эти разночтения. Ну и для полноты коллекции приведем мнение самого Н.В. Сычева, что «главное содержание экономической деятельности – производство материальных благ» (Сычев, 2015, с. 361). Но есть веские основания сомневаться в том, что эти путанные определения могут характеризовать современную экономику.

Так, будет весьма сомнительно феодальный строй общества называть экономикой, ибо там производственных отношений как определяющих просто не возникало. Отношения в крестьянской семье строились не на эквивалентной экономической основе, а на основе родства. Феодал или помещик заставлял крестьян работать на себя силой, а не посредством эквивалентного экономического обмена. Прав в этом случае Р. Хайлбронер, когда пишет: «Пока все проблемы решались по традиции или в соответствии с приказами сверху, не могло быть и речи об отдельной области знаний, именуемой «экономикой». (Хайлбронер, 2008, с. 22). В феодальном обществе не возникало экономических проблем, ибо у производителей (а это в основном были крестьяне) не было выбора.

В общем-то, в нашей отечественной литературе утвердилось понимание экономики как хозяйства. И наши старые экономисты чаще употребляли термин «народное хозяйство», чем «экономика». Например, в учебнике «Основы политической экономии» М.И. Туган-Барановского первый отдел так и называется «Общее учение о народном хозяйстве» (3-е издание, 1915 г.) (Туган). В учебнике В.Я. Железнова «Очерки политической экономии» (6-е издание, 1908 г.), почти везде употребляется термин «народное хозяйство». Например, В.Я. Железнов пишет: «Современное народное хозяйство есть продукт тысячелетнего исторического развития» (Железнов, 1908, с. 47). Думается, что широкое использование термина «народное хозяйство» дореволюционными российскими экономистами объясняется довольно просто. Русский термин «народное хозяйство» есть прямой перевод немецкого термина «Volkswirtschaft». А в дореволюционной России основным иностранным языком считался немецкий, которым сносно владели почти все преподаватели университетов. Многие из них посылались на стажировку в Германию, как тогда говорили, «для приготовления к профессорскому званию». Так, термин «народное хозяйство» вошел в российскую экономическую литературу, потом в советскую и частично остался до сего дня. Правда, сегодня, видимо, по причине господства английского языка, значительно чаще используется слово «экономика» и для обозначения народного хозяйства и для специальной науки. Но под словом экономика лучше понимать нечто иное, нежели

народное хозяйство. По крайней мере, это демонстрируют современные учебники «экономикс».

Прямого определения термина экономика в западных учебниках я не нашел. Есть определение науки, которое изучает экономику (economics). Так вот, в учебнике П. Самуэльсона сказано: «Экономика (экономическая теория) – это наука, изучающая, как общество использует ограниченные ресурсы для производства полезных товаров и распределения их между людьми». И дальше идет важное дополнение: «В этом определении выражены две ключевые идеи экономики: количество товаров является ограниченным, и общество должно эффективно использовать имеющиеся ресурсы». (Самуэльсон, Нордхаус, 2005, с. 29). Такой подход широко используется во многих учебниках «экономикс». Он же воспроизводится в некоторых отечественных учебниках. Так, в одном учебнике, на мой взгляд, правильно пишут: «Экономика как таковая не существовала в докапиталистическую эпоху ... Экономика же появляется там и тогда, когда производство материальных благ «управляется» такими механизмами, которые основаны на ценовых сигналах, т.е. колебаниях рыночных цен, динамике прибылей и убытков и т.п. Все это – атрибуты рыночного хозяйства. Следовательно, строго говоря, экономика – это синоним не слова «производство», а категории «рыночное хозяйство» (Чепурин, Киселева, 1994, с. 45). Это определение подверглось резкой критике со стороны Н.В. Сычева. Он считает его «теоретически несостоятельным и методологически необоснованным» (Сычев, 2015, с. 368). Аргумент у Сычева один: раз есть производство материальных благ и какая-то хозяйственная деятельность, значит это экономика. Но мы уже приводили в пример средневекового крестьянина, который занимался хозяйством, а не экономикой. У него не было выбора. Или, как пишет Хайлбронер, «время для открытия такой потрясающей социальной конструкции, как «рынок», еще не наступило» (Хайлбронер, с. 30). А с появлением рынка и появляется экономика, экономический расчет, экономический выбор, проблема оптимизации и все остальные категории, чем переполнены современные учебники экономической теории.

Таким образом, под термином экономика в современных учебниках понимается рыночная экономика, т.е. максимизация прибыльности и минимизация издержек производства при ограниченности ресурсов. И важным элементом современного понимания экономики является конкуренция. Поэтому при таком понимании экономики, культуру, например, трудно отнести к экономической отрасли. Ибо, как справедливо пишет В.Ю. Музычук, «конкурентные отношения в рыночном понимании в сфере культуры невозможны» (Музычук, 2017, с. 24). Но в тоже время этот же автор пишет, что «сфера культуры относится к ... видам экономической деятельности» (Там же, с. 7). Как все это

согласовать? Если экономика – это эффективное использование редких (ограниченных) ресурсов, то как это можно приложить к культуре? Конечно, талантливый артист или писатель явление редкое. Но любой роман Льва Толстого можно дать каждому (и даже по 2 экземпляра), а не только умным читателям. Так же, песнями Высоцкого или Утесова может наслаждаться каждый и множество раз, а не только музыкально одаренные люди. Здесь нет эффективности в узком сугубо экономическом понимании (прибыльность), тут возникает более широкая проблема.

Однако современные процессы в социально-экономическом развитии вызывают потребность переосмысления этого «продвинутого» понимания экономики. Таким образом, согласовать культуру и экономику можно, если перейти к более широкому пониманию последней.

Почти всеми признается очевидный факт роста объема, значения и влияния государства в современной экономике. Меняется и понимание самой экономики.

Сегодня, когда развитые западные страны переходят к «обществу знаний», большие сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, образование). Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием творческого труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы перестают работать, уже давно и успешно разрабатывается в новой социально-экономической науке. Здесь экономика не сводится только к рынку, а охватывает широкое поле человеческой деятельности, где экономический принцип соизмерения затрат и результатов продолжает иметь значение. Затраты и результаты деятельности могут выражаться не только в деньгах, но в экономии времени, усилий, получения большего удовольствия и благополучия, т.е. в приращении общественной полезности. Здесь можно вспомнить известное высказывание К. Маркса, что «всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени» [Маркс, т. 46, ч. 1, с. 117].

Таким образом, государство в конце концов подминает рынок, замещает его. Но экономические процедуры остаются, даже расширяются. Государство мало интересуется прибылью индивидуальных производителей, цели государства значительно шире и сложнее. Но экономить усилия, средства, в целом время государство так же должно. Вот в этом и состоит новое качество экономики и новое ее понимание.

Если основная экономическая наука, которая изучает и объясняет экономику, это политическая экономия, то, стало быть, государство становится предметом ее изучения. Но классическая политическая экономия изучала и объясняла рыночную экономику, отношения между людьми, прикрытые вещами. Конечно, эти отношения сохраняются и в современной экономике. Но основные отношения между людьми, которые производят и

потребляют вещи (и услуги) регулируются уже не «вещами» (рыночным обменом вещей), а государством. Государство же в процессе своего регулирования руководствуется не столько максимизацией прибыли, сколько максимизацией общественной полезности, т.е. «потребностями благоустроенного общежития». Хотя прибыль и рыночный обмен остаются и продолжают играть важную роль, но цель государственного регулирования иная. Можно даже сказать, что в государственную цель максимизации общественной полезности входит обеспечение максимизации прибыли для индивидуальных производителей. Государство не отвергает экономический индивидуализм, но гармонизирует его с общественными интересами.

Новые экономические отрасли: образование, культура, здравоохранение

Обычно в научном анализе общества и общественного устройства выделяют несколько сфер. Прежде всего, это, конечно, экономическая сфера. В классической марксистской парадигме экономическая сфера принималась за базис общественного устройства, который порождал соответствующую надстройку. В этих условиях было естественным культуру рассматривать вообще за рамками экономики, а образование вводить в экономическую систему общества как сферу подготовки квалифицированных кадров для производства материальных продуктов. В начале индустриальной эпохи человек рассматривался как придаток машинного производства и должен был иметь соответствующую специальность и квалификацию. И это было понятно и оправдано для условий развития материального производства и необходимости насыщения общества материальными благами. Культура же никогда, кроме ярмарочных балаганов, не рассматривалась как отрасль рыночной экономики.

Но с превращением государства в экономического актора появился соблазн все сферы общества рассматривать как элементы рыночного процесса. Поэтому и процесс образования стали трактовать как рынок образовательных услуг, а производство знаний как производство товаров. Но экономическая деятельность в рыночных условиях осуществляется с целью извлечения прибыли, а все остальное рассматривается как осложняющие этот процесс моменты. Производство знаний и передача знаний (образование) были нацелены на получение прибыли лишь в начальной стадии индустриального развития. И то лишь отчасти. Так, первые университеты, которые появились в Европе еще в XII веке, не были нацелены на извлечение прибыли. Да и сегодня рассматривать классический университет как коммерческое предприятие мало кто отважится. Знания не есть товар, их не покупают, а получают, их не продают, а передают или распространяют. Конечно, можно организовать платные курсы обучения иностранным

языкам или кройки и шитья и внешне (по форме) это будет походить на платную рыночную услугу вроде парикмахерской. Но нельзя путать форму и содержание. Участник этих курсов платит не за знания, а за работу преподавателя. Если из парикмахерской посетитель в любом случае уходит стриженным в зависимости от величины заплаченных денег, а не от своих собственных усилий, то с курсов обучения даже платных их участник (ученик) уходит обогащенный знаниями в прямой зависимости от своих собственных усилий. Некоторые тупые или ленивые уходят вообще без всяких знаний, хотя исправно заплатили положенную сумму денег. А вот из парикмахерской даже самый тупой мужик выйдет стриженным. Теоретически образование нельзя трактовать как услугу. Университет не есть парикмахерская. Это особая социально-гуманитарная сфера развития общества.

Так как государство сегодня погрузилось в экономику, то культура и образование, которые всегда были под патернализмом государства, превратились в отрасли экономики. Но при этом сама экономика приобрела новое качество. «Необходимость, - пишет В.Ю. Музычук, - выделения культуры, науки, образования в отдельный, так называемый гуманитарный, сектор экономики обусловлена наличием общих «родовых» черт, не позволяющих этим отраслям функционировать в условиях рыночного механизма хозяйствования без патерналистской опеки государства. Высокая социальная полезность входит в противоречие с эффективностью бизнес-моделей, по которым оценивается их деятельность» (Музычук, 2017, с. 6). В этих условиях и культура, и образование можно рассматривать как часть экономической системы. Хотя, как подчеркивает Н.Г. Яковлева, «образование – это больше чем экономика» (Яковлева, 2015, с. 100). Происходит не орыночевание (скажем по-английски – маркетизация) культуры и образования, а наоборот, окультуривание рынка, в результате чего он теряет многие противные свои свойства. И, в конце концов, угасает. Таким образом, если культура и образование, по природе своей, не являясь рыночными феноменами, составляют сегодня часть экономики, то и последняя теряет рыночные характеристики. Причиной всему государство.

Кратко говоря, под "экономическим империализмом" можно понимать распространение экономического принципа, экономической рациональности на процессы, явления и предметы, которые не относятся к экономике в ее традиционном понимании, распространение основных понятий современной экономической теории (редкость, издержки, предпочтения и др.) на любые формы человеческой жизни, а ее главные принципы (оптимизации и равновесия) на все социальные явления.

Фрэнсис Фукуяма пишет в этой связи: “Двое наиболее плодотворных и наиболее известных на сегодняшний день экономиста-неоклассика - Гэри Беккер из Университета Чикаго и Джеймс Бьюкенен из Университета Джорджа Мейсона (оба нобелевские

лауреаты) - всю свою карьеру занимались тем, что расширяли применение экономических методов на такие, обычно считающиеся неэкономические, феномены, как политика, администрирование, расизм, семья и рождаемость” (Фукуяма, 2004, С. 38). И тут же Фукуяма приводит мнение Гэри Беккера, который считает, что экономику не следует понимать как привязанную к определенному предмету изучения (в частности, деньгам или богатству), а как метод, применимый ко многим аспектам человеческого поведения (Becker. P. 3-14). Однако этого добиться везде невозможно.

В принципе это весьма привлекательная мысль. Экономическая наука вполне может проникать «во многие аспекты человеческого поведения», но если человека брать не как отдельно бродящего индивида, а как совокупность людей, как общество. Экономическая наука не стала беспредметной, таких наук не бывает. Просто у нее появился новый предмет исследования, ибо расширение экономики дало ей новое качество.

Вместо заключения

Итак, государство растет и погружается или уже довольно глубоко погрузилось в экономику. Государство стало демиургом экономики. Нравится это кому-либо или нет, но это объективный и неизбежный процесс. Хорошо или это плохо – вопрос очень сложный. Если рост государства сопровождается рациональными установками (например, обязательные для всех правила орфографии или правила уличного движения), то это, видимо, хорошо. Если же государственные установки переходят рациональные границы (скажем, центральное правительство начинает регулировать куриное поголовье в домашнем хозяйстве или размер цветочных горшков, как это делается в США), то это, безусловно, плохо. Жизнь общества, таким образом, должна основываться на мирных занятиях людей, как считал Г. Спенсер: «не стесняемых ничем, кроме потребностей благоустроенного общежития» [Спенсер, 2007, с. 81]. Это понятно, но интересен другой вопрос: какая наука должна изучать государство, как главного благоустроителя общества?

Если основная экономическая наука, которая изучает и объясняет экономику, это политическая экономия, то, стало быть, государство становится предметом ее изучения. Но классическая политическая экономия изучала и объясняла рыночную экономику, отношения между людьми, прикрытые вещами. Конечно, эти отношения сохраняются и в современной экономике. Но основные отношения между людьми, которые производят и потребляют вещи (и услуги) регулируются уже не «вещами» (рыночным обменом вещей), а государством. Государство же в процессе своего регулирования руководствуется не столько максимизацией прибыли, сколько максимизацией общественной полезности, т.е. «потребностями благоустроенного общежития». Хотя прибыль и рыночный обмен

остаются и продолжают играть важную роль, но цель государственного регулирования иная. Можно даже сказать, что в государственную цель максимизации общественной полезности входит обеспечение максимизации прибыли для индивидуальных производителей. Государство не отвергает экономический индивидуализм, но гармонизирует его с общественными интересами.

Поэтому для политической экономии трансформируется предмет ее изучения: на первое место в нем выдвигается изучение и объяснение процессов достижения общественной полезности. Думается, в этом состоит суть «политической экономии в широком смысле» (А. Пашков), что было сформулировано в Советском Союзе еще в 1930-х гг. но не смогли тогда толком ее объяснить. В этом же состоит смысл и «новой политической экономии» (Дж. Бьюкенен), объяснение чего, на мой взгляд, недостаточно полно и точно.

В последнее время в западной литературе получил некоторую популярность так называемый "экономический империализм", под которым можно понимать распространение экономического принципа, экономизма, экономической рациональности на процессы, явления и предметы, которые ранее не относились к экономике, распространение основных понятий современной экономической теории (редкость, издержки, предпочтения и др.) на любые формы человеческой жизни, а ее главные принципы (оптимизации и равновесия) на все социальные явления. Я имел возможность очень кратко описать это явление с негативной коннотацией, хотя тогда еще не понимал глубинный его смысл (Воейков, 2015). Этот смысл не раскрывался в достаточно поверхностных текстах западных авторов и ставил читателя в недоумение. Приведем мнение Гэри Беккера, который считает, что экономику не следует понимать как привязанную к определенному предмету изучения (в частности, деньгам или богатству), а как метод, применимый ко многим аспектам человеческого поведения (Becker). Но ни Беккер, ни другие сторонники «экономического империализма» сами толком не могли объяснить этот феномен. Они или многие из них считали, что рыночная экономика с каждым годом захватывает все больше и больше различные сферы человеческой деятельности, которые, не будучи по природе своей экономическими (как, например, культура и образование), становятся предметом изучения экономической теории. Но дело оказывается не в расширении рынка, а в его сужении. Сама экономика из процесса максимизации прибыли превращается в процесс максимизации общественной полезности. И это становится предметом изучения экономической теории.

Таким образом, политическая экономия сегодня получает новое поле исследований. Так, например, культура и образование становятся предметом изучения политической

экономии, ибо здесь для повышения эффективности этих сфер становится необходимым соизмерение затрат по производству культурных или образовательных благ с их общественной полезностью, которая далеко не всегда выражается в прибыльности.

Литература

Абалкин Л.И. Политическая экономия и экономическая политика. – М.: «Мысль», 1970. – 232 с.

Абалкин Л.И. Экономика. // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1980.

Абалкин Л.И. Социализма мы не построили. // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор. / Под ред. М.И. Воейкова. – СПб.: Алетейя, 2011, с. 21-24.

Автономов А.С., Попов В.А. Государство. // Большая российская энциклопедия. Т. 7. – М.: Большая российская энциклопедия, 2007.

Альтер Л.Б. Буржуазная политическая экономия США (на основных этапах развития американского капитализма). – М.: Соцэкгиз, 1961. – 808 с.

Бастия Ф. Экономические гармонии. Избранное. – М.: Эксмо, 2007. – 1200 с.

Беккер Г. Экономический взгляд на жизнь. // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / Сопред. редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Т. V. В 2-х кн. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов. Кн. 1. – М.: Мысль, 2004. С. 697.

Блок Ф. Роли государства в хозяйстве. // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004. – 680 с.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планомерность в системе экономических отношений социализма. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 82 с.

Булатов А.С. (ред.). Экономика: учебник. 5-е изд. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. – 896 с.

Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. – 720 с.

Бьюкенен Дж. Сочинения. – М.: «Таурис Альфа», 1997. – 560 с.

Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

Воейков М.И. Рыночный фундаментализм и новая волна вульгаризации в экономической науке. // Вопросы политической экономики, 2015, № 1, с. 24-37.

Гидденс Э. Социология. – М.: Едиториал УРСС, 2005.

Железнов В.Я. Очерки политической экономии. 6-е изд., 1908.

- Зунтум У. Невидимая рука: экономическая мысль вчера и сегодня. – М.: Мысль, 2017. – 448 с.
- Кронрод Я.А. Производительные силы и общественная собственность. – М.: «Наука», 1987.
- Кругман П., Велле Р., Олин М. Основы экономикс. – СПб.: Питер, 2012.
- Макки Д. Спасая демократию от политологии. // Теория и практика демократии. Избранные тексты. - М.: Ладомир, 2006, с. 272-276.
- Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: проблемы и политика. В 2-х т. Т. 1. – М.: ИНФРА-М, 2003.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. ТТ. 1-48. М.: Госполитиздат, 1955-1974.
- Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. – М.: «Прогресс», 1966.
- Мизес Л. Либерализм. М., 2001.
- Мишель А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени Революции. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1909. – 802 с.
- Музычук В.Ю. Государственный патернализм в сфере культуры: что не так с установками патера в России? – М.: ИЭ РАН, 2017. – 67 с.
- Пеннингтон М. Классический либерализм и будущее социально-экономической политики. – М.: Мысль, 2014. – 452 с.
- Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. I. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1956.
- Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. - СПб.: “Алатейя”, 2002.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х тт. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
- Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. – 695 с.
- Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. 16-е изд. – М.: Изд-кий дом «Вильямс», 2005. – 688 с.
- Сен А. Развитие как свобода. М., 2004.
- Сидорович А.В. (ред.). Курс экономической теории. М., 1997.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 684 с.

- Соколова Р.И., Спиридонова В.И. Государство в современном мире. – М.: ИФ РАН, 2003. – 253 с.
- Спенсер Г. Личность и государство. – Челябинск: Социум, 2007. – 207 с.
- Стиглиц Дж. Экономика государственного сектора. – М.: Изд-во МГУ, ИНФРА-М, 1997.
- Сычев Н.В. Актуальные проблемы политической экономии. – М.: Изд-кий дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
- Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. 3-е изд. Петроград, 1915. – 593 с.
- Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. М., 2003.
- Туроу Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1999.
- Уилэн Ч. Голая экономика. Разоблачение унылой науки. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. – 368 с.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3. Статьи и интервью 1970-1984. – М.: Практикс, 2006. – 320 с.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
- Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. – М.: Практикс, 2010. – 264 с.
- Хайлбронер Р. Философы от мира сего. – М.: Изд-во КоЛибри, 2008.
- Хиггс Р. Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства. – М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016.
- Хомский Н. Государство будущего. – М.: Альпина нон-фикшн, 2012. – 104 с.
- Цаголов Н.А. Товарно-денежные отношения и планомерно организованное социалистическое производство. // Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства. / Под ред. Н.А. Цаголова. – М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 29-74.
- Чепурин М.Н., Киселева Е.А. (ред.). Курс экономической теории. – Киров, 1994.
- Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.
- Эрхард Л. Благополучие для всех. М., 1991.
- Яковлева Н.Г. Экономика для образования или образование для экономики. // Возрождение производства, науки и образования: вызовы и решения. М., 2015.

Becker. The Economic Approach to Human Behavior. - Chicago: University of Chicago Press, 1976, p. 3-14.